

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Москва царей
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454585

Аннотация

«...При царе Алексее Михайловиче особенно славился печением ржаного хлеба и пенными квасами монастырь Антония Синайского под Холмогорами. Со всей простодушной наивностью посылали своим государям на Москву квашеную капусту, ржаной хлебушко да пенничек Коломна и Можайск, Устье Борисоглебское и Никола Угрешский, и Звенигород...

А на Благовещение патриархом совершался чин преломления хлебов...»

Содержание

I	4
II	11

Иван Созонтович Лукаш

Москва царей

I

*Меня, о, солнце, воскреси
И дай мне на Святой Руси
Увидеть хоть одну денницу.*

Кн. Одоевский

На Сыропустной неделе в последнее воскресенье перед масленицей на Москве свершалось действие Страшного Суда. Действом открывались дни московского великого покаяния и милосердия, благостыни, добра.

Красота Московии и, может быть, вся красота, сила и свет русского духа, какой еще дышит в нас, – все от тех дней удивительной благости Москвы, больше трех веков тому назад...

В воскресенье перед масленицей патриарх Московский с сонмом священства под пение стихир свершал таинственное действие Страшного Суда.

На площади, за алтарем Успенского собора, ставился образ Страшного Суда.

Смолкало пение, все опускались на колени. Один патри-

арх подходил к образу в своей темно-лиловой мантии и белом клобуке. Полотенцем патриарх утирал образ.

Для нас, потомков, уже невнятно и странно то, что было понятно предкам, как патриарх на деннице в молчании всея Москвы утирал образ Страшного Суда, чтобы перед каждой душой яснее проступил, открылся грядущий Суд Божий.

И до того как патриарх утирал полотенцем образ, московский царь уже начинал дни покаяния и милости.

Часа за три до света государь по спящей, темной Москве тихо обходил, пеший, московские темницы, остроги, богадельни, где лежали раненые, и сиротские дома.

Там государь из своих рук раздавал милостыню и даровал освобождение.

Так было почти четыреста лет назад в той Московии, которую кто только не ленился называть варварской, заушать и поносить. Но если сравнить ту древнюю страну отцов с тем, что творится в теперешнем трупном царстве, – та Москва, четырехсотлетняя, давняя, где сам государь странствовал по нищим, сырым и страждущим, покажется потомку Царством Небесным...

В день действия Страшного Суда в государевом дворце, в Золотой и Столовой палатах, накрывали еще громадные столы.

Государь звал к себе в гости всю московскую нищую братию.

Совершенно удивительна высота человеческого христианского образа Московии в тех трапезах нищих с самим государем.

Такой милосердный обиход установился на Москве после Смутных времен. Страна отцов как будто уже находила тогда чудесное и необыкновенное разрешение всех общественных противоречий, устанавливала удивительное царство мира и справедливости со своим государем и патриархом, Земским собором и с обиходом добродетели. Нельзя забывать, что каждое деяние государя повторял по мере своих сил каждый московский человек...

И как передать этот удивительный образ Московии, когда в тумане, нанесенном с улиц, в тряпье и в гноище, рваная, нищая, лапотная Москва, в кафтанишках на ветру, дрожащая, со слезящимися глазами, гремящая костями на тележках, с пением стихов, вся шла в царские палаты, озираясь на роспись стен, на золотые и синие многочтимые ангельские силы и воинства, и рассаживалась за убранные столы...

А к нищей братии вся Русь выходил государь в золотой шапке с играющими алмазами, в сафьяновых сапогах, унизанных жемчугами, – как небесное видение – и садился с нищими за один стол.

Так было. Так из года в год свершалось в Москве. Именно так создавался дух Святой Руси.

И был в том залог, свет преобразования необыкновенного, какое несла в себе Московия, и, может быть, донесла бы и довершила, если бы ее нетерпеливый и бурный сын, гигант с трясущейся головой, в жажде могущества не погнался бы за немецким барабанным боем, лаврами, громом пушек и фейерверками с горящими вензелями...

Обход царем темниц и острогов и царские трапезы с нищими были не «буквой», это было самое глубокое, таинственное дыхание Московии – Царства Милосердного, – и свидетельство тому хотя бы, что в Золотой палате с царем делили хлеб не какие-нибудь десятки принаряженных попрошайек, а к царю в гости приходила воистину вся нищая Москва.

Так начинались прощенные дни Великого поста.

Государь просил прощения у патриарха, у царицы. Прощались с царицей ее верховные боярыни, мамы, казначеи, постельницы, мастерицы. Государь в Архангельском и Благовещенском соборах просил прощения у гробов своих родителей.

В те дни, когда Москва просила прощения друг у друга и у отцов своих, государь прощал и освобождал колодников, «которые, в каких делах сидят многие лета».

В прощенные дни царем прощались и старые вины.

Тянулись дни Великого поста.

Наша деревенская, наша истовая страна отцов со всех кра-

ев посылала к государеву двору из монастырей ржаной хлеб, капусту, монастырский квас.

При царе Алексее Михайловиче особенно славился печением ржаного хлеба и пенными квасами монастырь Антония Синайского под Холмогорами. Со всей простодушной наивностью посылали своим государям на Москву квашеную капусту, ржаной хлебушко да пенничек Коломна и Можайск, Устье Борисоглебское и Никола Угрешский, и Звенигород...

А на Благовещение патриархом совершался чин преломления хлебов.

За всенощной в Благовещенском соборе патриарх благословлял и преломлял благодарные хлеба, а с ними разливал по кубкам вино.

Укруги хлеба, ломти калачей и кубки вина раздавались за всенощной всему народу. Первый же округ хлеба, первый ломоть калача и первый кубок получал из рук патриарха краса-государь.

На Благовещение государь во второй раз созывал к себе за стол московскую нищую братию, сирот и калек. Это была благовещенская трапеза.

От 1664 года сохранилась запись столового счета. Какую же, действительно, сказочную, великолепную уху варили царицы повара и поварихи для его нищих гостей в громадных царских котлах! Для ухи было куплено двадцать три шу-

ки, каждая «в три чети длиной», а три чети – это аршин с лишним. Язей же, карасей и окуней рассольных было просто «бессчетно»...

Так начиналась благостыня московская – посещением темниц и острогов, освобождением колодников в прощенные дни и двумя великими царскими трапезами для нищей братии – сыропустной и благовещенской. И свершалось так из года в год. На том и стояло царство Московское.

Подходило между тем Вербное воскресенье.

В неделю ваий свершалось шествие на осляти.

Это было всенародное зрелище смирения царя. Патриарх олицетворял образ Христа, Москва, как новый Иерусалим, встречала Его «осанной», а московский царь, пеший, вел под уздцы белого Христова коня.

Русская жажда преображения всего земного в небесное и воплощения небесного в земном была в таком сочетании патриарха на белом коне и пешего царя перед ним.

Иностранцы Маржерет, Бер, Гаклюйт, Олеарий с одинаковым изумлением описывают величие этого шествия.

Из Успенского собора выносили высокую украшенную вербу. Под нею с пением стихир шло пять отроков в белых одеждах. За вербой начиналось шествие больше чем тысячи отроков, в белых одеждах, с горящими свечами. Это было белое шествие.

Потом несли хоругви и образа. Это было золотое шествие: золотые хоругви, священство в золотых и цветных парчовых ризах. За священством в золотой парче, в алмазах и жемчугах шло пешком боярство.

Белое и золотое шествие внезапно прерывалось красным. снова шли отроки, но уже в красных одеждах. Они замечательно, назывались на Москве – пламенниками.

Пламенники сбрасывали с себя красные одеяния, расстилали их перед белым конем.

Перед конем шел государь. Он вел за уздцы белого коня. Конь был весь покрыт ослепительно белым сукном, и его голова была в московском белом капуре.

Царь вел коня под уздцы. На коне – патриарх. В его левой руке окованное золотом Евангелие, правой он благословлял московский народ.

Шествие двигалось за Спасские ворота до Покрова, к Василию Блаженному.

Хрустальные кресты и рапиды несли московские протопопы.

За протопопами шли московские соборные ключари. За ключарями, в цветных ризах, – духовенство всея Москвы.

На Лобном месте патриарх сходил с белого коня и подавал государю палестинскую пальмовую ветвь и русскую вербу.

II

О Боже мой, кто будет нами править?

О горе нам!

Пушкин

Сколько бы веков ни прошло и как бы ни был отдален потомок, навсегда затаилась в нем память о милосердном свете древнего Московского царства.

Милостыня нищей братии, посещение острогов, темниц, освобождение заключенников, прощение вин перед лицом всепрощающего Господа – так каждый год, от века в век, покуда стояло Московское царство, волнами света поднималось, разливалось его милосердие.

Немеркнувший свет Московии – милостивый свет – одна из самых таинственных и прекрасных частиц русской души. Мы гордо любим гром Полтавы, но за громом империи мы всегда чувствуем свет тишайший, необыкновенный, незаходимый свет царства Московского, чудесного, невнятного и умолкшего, как молитва.

Царь на Страстной опять посещал заключенников и освобождал колодников. Страстное освобождение было вторым по счету после прощенных дней поста.

«Ежегодно в Великую пятницу, – записывает англичанин

Коллинс, – царь посещает ночью все тюрьмы, разговаривает с колодниками, прощает преступников...»

Страстная ночь. На высоком Кремле перекликаются стрельцы, ночная сторожевая стрела: «Славен город Москва, славен город Ростов, Суздаль, Архангельск...» Ночная стрела помянет все города Московской державы, Дома Пресвятой Богородицы.

На улицах тишина. Москва курится ночным паром. Едва светится кафтан государя. Он едет с боярами от заставы к заставе. Он идет в тюрьмы.

В Страстную ночь в острогах теплились свечи. Все было прибрано. Там и злодей на цепи, вклепанной в стену, надевал заветную чистую рубаху, и под недужным вором постилали солому. В темницах, куда и свет не западал никогда, горели свечи, как в церкви. Колодники ждали красу-государя.

Каким ужасающим обманом, каким иудиним предательством покажутся все эти демократии, революции, коммунизмы, чем загнали христианский русский народ на пытки без вины и страдания без милости, если вспомнить только, как четыреста лет назад в Московии сам царь сходил в тюрьмы и разговаривал с колодниками, и прощал, и освобождал...

Государь был как бы воплощением самого Милостивого Спаса. Гремя цепями, к нему тянули руки, на него смотрели глаза, отвыкшие от света, и, может быть, горячо молили

сы разбойник: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое...»

В Страстную ночь, самую таинственную и прекрасную ночь Москвы, когда Спаситель испускал на кресте дух, московский царь как бы принимал на себя Его земное служение, творил Его дело: сам царь среди колодников в темнице...

На Страстной неделе 1655 года дворцовый писец бесхитростно записывает:

«В первом часу пополночи изволил великий государь идти на Земской двор и в больницу, и в Аглицкой и Тюремной дворы, и у Спасских ворот, в застенки, жаловал своим государевым жалованием и милостынею иже из своих государевых рук. А жаловал бессчетно».

Теперь, в Страстную пятницу, в глухонемой Москве, где человек замучен беспощадно, только могущественные видения милосердия московских царей прошли по душам, только провеяла снова немая память о Руси, Руси человеческой...

Милость и освобождение в прощенные дни.

Милость и освобождение в страстные дни.

А третья великая милость и освобождение совершались на самое Воскресение Христово, в Святую ночь.

Три раза в год, в три Божьих дня, даровал государь людям милость Божьей свободы.

Заутреня. Сохранилась совершенно живая запись ше-

ствия к заутрене царицы в весеннем сумраке московских древних улиц.

Золоченую карету царицы везли десять белых лошадей. За каретой верхами скакали царицыны боярышни. Они были в белоснежных круглых шляпах, подбитых розовой фатой, со шляп спускались на плечи желтые ленты с кистями. Лица верховых боярышень были прикрыты сквозящими фатами. Все они были в сафьяновых желтых сапожках.

Впереди поезда стрельцы несли тяжелые ослопные свечи, а за царицой золотой каретой шли старики-бояре, по трое в ряд, все в золотой парче.

На заутрене, в огне свечей обрачатых, витых такими мастерами живописного дела, как Леонтий Чулков, свечей зеленых и красных, переливались блеском парча и золото тяжелой чеканки. В этом горячем и живом шевелении, когда так неузнаваемы, светлы и нежны все лица, заутреня была, как само золотое небо, сошедшее на землю.

И от заутрени царь снова шел к заключенным.

В Святую ночь в Москве, затихшей в последние мгновения перед Воскресенским перезвоном, царское шествие, смиренное, пешее, было как бы шествием самого воскресшего Христа.

Весь год в милосердном круге совершалось одно мистическое действие царского служения, и вершиной его было шествие в Пасхальную ночь ко всем труждающимся и обремененным.

Царь первый приносил им весть:

– Христос воскресе...

И может ли представить потомок, в каком тихом восторге, каким светлым гулом – ликованием человеческим – отвечали царю московские темницы:

– Воистину...

В такие мгновения. и утверждалась навеки Святая Русь. И все, что есть в нас прекрасного, истинного, живого, – все свет тех московских времен, Москвы Христовой победы, Москвы Воскресшего Господа.

А в первый день Пасхи государь дарил освобожденных и помилованных, жаловал нищих у Спасских ворот и обходил по всей Москве раненых и пленных.

При царе Алексее Михайловиче пленных на Москве держали в Аглицком дворе.

Теперь, когда коммунисты вырезают лампасы из кожи захваченных ими людей, добивают и жгут на кострах раненых, нечеловеческими мучительствами мучают всех, кто в их власти, – какой свет, святой, человеческий, разлит в каждом слове простой и точной записи о посещении государем московских пленных в 1664 году, больше трех веков назад:

«Изволил великий государь жаловать пленных поляков, немцев и черкас, и колодников на Аглицком дворе, чекменями, шубами, рубашками, портами, и угощать их, а еств изво-

лил жаловать лучших: баранины, ветчины, каш, круп грешневых, пироги с яйцы и мясом, калачей двуденежных, вина и медов».

Другая запись дополняет:

«В 1664 году великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея великия и малыя и белыя Руси самодержец, изволил ходить на Большой тюремной и на Аглицкой дворы и жаловал своим государевым жалованием – милостынею, из своих государевых рук, на Тюремном дворе тюремных сидельцев, а на Аглицком дворе полоняников, поляков, немец и черкас. А роздано в избах: в Опальной – 98 челавек по рублю, в Барышкине – 98, Заводной – 17, Холопьею – 68, Сибирке – 79, Разбойной – 160, Татарке – 87, Женской – 27...»

Всюду сам государь, всюду его милость, свет, прощение, и в самых тайных застенках – в Опальной, в Разбойной, и в Сибирке, и в Татарке...

А на Аглицком дворе, где сам государь разговлялся с пленниками, их содержалось тогда больше четырехсот душ.

После заутрени царь жаловал еще Москву великденским красным яичком.

Царь раздавал яйца куриные, гусиные, точеные деревянные, расписные по золоту и в яркие краски, в узор и в цветные травы, а в травах – птицы, звери, люди...

Наши праотичи москвичи дарили друг другу целые ящи-

ки пасхальных яиц – ящики слюдяные, как отмечает одна запись, в них по сорок яиц, писанных по золоту разными красками, а писал московский живописец Иван Салтанов.

Пасхальные яйца точились токарями и расписывались травщиками Оружейной палаты и Троице-Сергиева.

Троицкие токаря и травщики о посылке пасхальных яиц так бьют челом государю:

«Богомольцы из Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, архимандрит Феодосий, келарь Леонтий с братией, челом Алексею Михайловичу бьют: прислал к нам, богомольцам твоим, из Оружейные палаты сто яиц деревянных, точеных, да золота листового, сусального, да красок бакану, да яри веницейской, а велено написать яйца по золоту разными цветами и красками троицким травщикам, добрым письмом травы, а в травах писать птицы и звери против прежнего. И мы, богомольцы твои, написав, послали тебе, великому государю, в апреле 21 день в Москве».

Царь христосовался после заутрени со всеми, подавал пасхальное яйцо и жаловал к руке. Яйца разносили на деревянных блюдах, обитых либо серебром, либо алым бархатом.

За одну только заутреню государь жаловал Москве до сорока тысяч великденских яиц...

Празднование Пасхи, радости Воскресения и Оправдания жизни, начиналось с того, что патриарх посылал царице в подарок целый мех меду.

Боярыни большие и малые привозили к царице перепечки-кулички со всея Руси, на возах везли государыне духовитые кулички. За день их привозили по много сотен...

Всюду пиры, всюду игрицы, домрачеи, бахари, качели. А над Москвою трезвон.

Из сытенных, кормовых и хлебных, из погребов и ледников выносили разговены – фряжские пития: романеи, алканы и ренския. А из пивоварен, квасоварен и браговарен московских выносили меды, красные и белые, малиновые, яблочные, вишневые, смородинные, воды гвоздичные и пенное пиво.

Веселыми ногами в трезвоне радовалась Пасхе Москва.

И ее радость донесена до наших душ и пройдет от нас во все века, покуда есть на свете русское имя...

Теперь на нашей погасшей земле тьма, цепи, смерть.

Но не заходит и там в душах свет шемящий, дальний, немеркнувший, тихий свет человеческого Московского царства, царства Воскресшего Христа...

У Пушкина в «Борисе Годунове», в толпе, на площади, московский человек точно видит, какую лютой тьмою, каким лютым горем оборвется Московское царство:

О, Боже мой, кто будет нами править?

О горе нам!

Теперь мы узнали, кто нами правит: хриstopродавец и человекоубийца. Теперь мы извели всю бездну лютого горя,

тьмы, цепей, смерти.

Пора бы и свету быть. И прекрасными, святыми, покажутся всем времена, когда только тень наших простых древних времен сойдет снова на нашу землю – тень царских времен, милосердного царства Московского.